

5. Там же. С. 6—7.
6. Там же. С. 7.
7. Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903. Вып. 7. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. X, 466 с.
8. Бессонов П. А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М. : Тип. Бахметева, 1871. [2], LXXXI, II, Вып. 1. Песни обрядовые. 176 с.
9. Пыпин А. Н. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. Кн. 5. С. 229 ; Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : Литовское и Белорусское Полесье / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб. ; М. : Тип. тов-ва М. О. Вольф, 1882. С. 327.
10. Дорошенко Д. Білорусі і їх національне відродження. Київ : Укр. учитель, 1908. 32 с.
11. Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі : з 40 рыс. Вільня : Друкарня М. Кухты, 1910. IV, 104 с.
12. Богданович М. А. Белорусское возрождение. М. : Укр. жизнь, 1916. 24 с.
13. Янчук Н. А. Несколько слов о новейшей белорусской литературе. М., 1912. С. 81—91.
14. Восеньскія і талочныя песні / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; пад рэд. А. С. Фядосіка. Мінск : Навука і тэхніка, 1981. С. 6—7 ; Даленга-Хадакоўскі З. Выбранае / уклад., прадм., пер. з польскамоўных тэкстаў Л. Малаш ; камент.: Л. Малаш, К. Цвірка. Мінск : Кнігазбор, 2007. С. 309—358 ; Рупі́нскі А. Białoruś: kilka słow o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż : Wksięgotłocznі J. Marylskiego, 1840. 232 s. ; Tyshkevich E. Opisanie Powiaty Borysowskiego podwzględem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim: z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zababonach i t. d. Wilno, 1847. 486 s.
15. Czeczot J.: 1) Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1837. VIII, 111 c.; 2) Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1839. 125 c.; 3) Piosnki wieśniacze z nad Niemna. Książeczka trzecia. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1840. XII, 95 c.; 4) Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotnych w mowie sławiano-krewickiej. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1844. XVIII, 137 c.; 5) Piosnki wieśniacze z nad Niemana, Dniepra i Dniestra. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1845. XII, 108 c.; 6) Piosnki wieśniacze nad Niemnai Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1846. XXXIV, 134 c.
16. Zienkiewicz R.: 1) Piesni ludu zebrinew Pinszczyznie // Athenaum, poemszobiorowe. Wilno, 1847. Ч. IV. С. 146—186 ; 2) Piosenki gminne ludu Pińskiego : zbierali przekladal Romuald Zienkiewicz. Kowno, 1851. XVII, 414 c.
17. Терещенко А. В. Быт русского народа / соч. А. В. Терещенко. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1848. Ч. 2 : Свадьбы. 621 с.
18. Пыпин А. Н. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. Кн. 5. С. 211—252.
19. Czeczot J. Piosnki wieśniacze nad Niemnai Dźwiny. С. 67—95.
20. Пыпин А. Н. История русской этнографии : в 4 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. XI. Т. 4 : Белоруссия и Сибирь. 488 с.
21. Живописная Россия. С. 281, 283.
22. Там же. С. 327.
23. Карский Е. Ф. Разбор этнографического труда П. В. Шейна.
24. Там же. С. 5.
25. Карский Е. Ф. Белорусы. С. 214, 216.
26. Там же. С. 438.
27. Дорошенко Д. Білорусі і їх національне відродження. С. 16.
28. Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. С. 102.
29. Богданович М. А. Белорусское возрождение. С. 10.

УДК 27(043.3)+008(043.3)

Р. Ю. Соловьёв

настоятель храма-памятника св. великомученика Георгия Победоносца, Благодинный Лидского церковного округа Лидской епархии Белорусской православной церкви, Лида

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТУРГИЯ XVI — XVII ВЕКОВ: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

Введение. Основная задача и цель данной статьи — на основании впервые исследованных и малоизвестных широкому кругу читателей источников проследить некоторые вехи противоречивой трансформации православного богослужения в период известной церковной унии, когда самоидентификации белорусского общества был брошен решающий вызов. Источник исследования — богослужебная книга под названием «Служебник» (в белорусских изданиях конца XVI—XVII в.), которую можно считать важнейшей в своём репертуаре (содержит тексты главного христианского богослужения — Божественной литургии).

Заявленная тема требует, разумеется, написания большой работы. Тем не менее, в качестве введения в тему, считаю необходимым представить интересные факты из истории формирования белорусского литургийного формуляра XVI—XVII вв. Будут затронуты лишь характерные элементы литургии, отличные от современных, — наиболее показательные с точки зрения литургического богословия и религиозно-политической ситуации.

Основная часть.

Подготовительная часть Литургии

Входные молитвы. В первом белорусском Служебнике (Вильно, типография Мамоничей, 1583 г.) года этот «чин входа» в храм значительно отличается от современного как по структуре, так и по содержанию входящих в него молитв.

В настоящее время входные молитвы читаются священнослужителями уже в самом храме перед Царскими вратами. Клирики читают их без облачения, «но в скуфье или камилавке, стоя с покрытой головой», — до тропаря «Пречистому Твоему образу». Получается, что в современной практике реально речь идет не о входе в храм, а о входе в алтарь.

Но в Служебнике 1583 г., отражающем древнюю традицию, предписано совершать входные перед дверьми храма. «Став пред дверми церковными, глаголи 3-жды: «Господи, очисти мя, грешника, и помилуй мя; бес числа, Господи, согреших, прости мя и помилуй мя; Создавый мя, Господи, помилуй мя» (л. 2а—2б). Вторая молитва перед входом в храм: «Таж молитва: Господи, отыми от меня вся безаконие моя и прегрешения моя, да достойно вниду в достояние святого храма Твоего. И отвори двери, глаголя: Непроходимая двери и тайно знаменная...» (л. 2б—3а). После неё «глаголи молитву, иже будет имя церкви». Вероятно, здесь идет речь о пении тропаря праздника или святого, в честь которого освящён храм. «Таж став пред дверцами и поклонився Царю наколену, глаголет начало: Пречистому Ти образу поклоняемся, Благый; Помилуй нас, Господи, помилуй нас; *Слава*:* Господи, помилуй мя; *И ныне*: Милосердия суще источник...» (л. 3а—5а). Вероятно, эти молитвы читаются уже в храме.

Далее помещена молитва, во время чтения которой, как можно предположить, священнослужители входят в алтарь (уставные ремарки не дают точных указаний). Приведем её полный текст: «Прими, Господи, молитву мою, повелением Отца Небеснаго, могущего помиловати мя в день он. И ныне Тобе вопию, прося очищения грехом. Помилуй мя, Отче и Сыне, и Душе Святей, в пришествии Твоем стати бес порока пред Тобою одесную. И ныне отверзи уста моя, да помолюся Тобе. Яко Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно <и во веки веков. Аминь>» (л. 5а—5б). Этой молитвой заканчивается входное чинопоследование в Служебнике 1583 г.

Входные молитвы второго по времени виленского Служебника (1598 г.) незначительно отличаются от вышеприведённых.

Несколько особенностей во «входном» встречаем в Служебнике Виленского братства 1617 г. В этом издании после молитвы «Непроходимая двери» (л. 4б) (она читается при входе в храм) предписано также читать тропарь и кондак Святой Троицы. Далее, как в современной практике: «Помилуй мя, Боже...», «Слава: Господи, помилуй мя...», «И ныне: Милосердия двери...». Далее читаются молитвы с поклонами святым иконам. Кланяясь на восток (3 раза): «Пречистому образу Твоему поклоняемся...»; к правой стороне: «Входя в дом Твой, Боже...», к левой: «Господи, устне мои отверзи на молитву...»; целуя крест: «Господи Иисусе Христе, иже на земли...»; целуя образ Богородицы: «Пресвятая Богородице не забуди...»; при целовании образа мученика читается соответствующий тропарь мученику. Затем читаются псалмы 14 и 22, и впервые появляется молитва «Господи, ниспосли Руку Твою с высоты...» (л. 5). Интересно, что её положено читать уже в алтаре. Так заканчиваются входные молитвы.

В «Служебнике Льва Сапеги» (того же 1617 г.) молитва «Господи, ниспосли Руку Твою с высоты...» читается во время входа в алтарь, а всё последование такое же, как и в наших современных Служебниках (уже отсутствуют молитвы, читаемые при входе в храм).

Позднейшие Служебники дают один и тот же набор входных молитв. Это значит, что уже к 1624 г., когда был издан очередной белорусский Служебник, чин входных молитв вполне сложился.

Разумеется, в позднейших книгах могут быть незначительные лексические отличия, связанные с влиянием западной литургической терминологии. В супрасльском униатском Служебнике 1695 г. молитва входа звучит так: «Господи, послы ми руку Твою от вышнего жилища Твоего, и укрепи мя в подлежащую службу Твою, яко да неосужденно предстваша страшному Твоему Олтарю, безкровную жертву совершу. Яко Твоя есть сила и слава, во веки веком. Амин» (л. 80б). В нашем современном Служебнике вместо слова «жертва» стоит «священнодействие». Здесь же подчёркивается именно жертвенный характер Евхаристии, что характерно для католической традиции. Равным образом и слово «олтарь» в значении «престол» сохраняется в западном литургическом языке и в настоящее время. То же слово и в молитве на умовение рук (вместо слова «жертвенник»): «...и обыду Олтарь Твой, Господи...» (л. 80б).

Облачение священнослужителей. Теперь посмотрим, как обстоит дело с молитвами на облачение священнослужителей. Разумеется, здесь особый интерес представляет молитва епитрахили — главного элемента облачения священника, без которого он не может совершить ни одно богослужение. Как известно, в современном служебнике печатается молитва: «Благословен Бог, изливаяй благодать Свою...». Это — парафраз ветхозаветного текста: «...Как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его» (Псалом 132:2).

В первопечатных Служебниках — сербском (Венеция, 1519 г.), греческом (Венеция, 1526 г.) и украинском (Стратин, 1604 г.) — читается только эта молитва («Благословен Бог»), равно как и во всех позднейших греческих, южнославянских и украинских (независимо от места издания).

Тем более знаменательно, что в первопечатном белорусском Служебнике (1583 г.), опередившем московский и украинский на два десятилетия, находим две молитвы епитрахили. «*И прием петрахиль, благословляет и целует его и возлагает на ся, глаголет*: Емше Иисуса и свезаше Его и предаша Его Понтейскому Пилату и игемону. Ты же, Спасе Наш, Сам страсти претерпе, да нас свободиши от страстей, животе и воскресение наше, слава Тобе. *Други, тому ж*: Благословен Бог, изливаяй благодать <...>» (л. 10—10об.). Эти же две молитвы читаются и во втором издании Служебника Мамоничей, 1598 года. В третьем по времени Служебнике (издание Виленского братства, 1617 г.) читается только первая молитва и без дополнения, т. е. до слов «Пилату игемону». Но в Служебнике Льва Сапеги того же года издания уже читается только молитва «Благословен Бог». То же самое — во всех последующих белорусских Служебниках.

Откуда же появилась эта неизвестная почти всем современным священникам молитва епитрахили в первых белорусских Служебниках? Оказывается, из древнерусской литургической традиции. На основании изучения русских рукописных Служебников XV—XVII вв., содержащих молитвы епитрахили, Ю. Рубан установил, что 80%

* Редакция не смогла установить актуальность информации относительно курсивного выделения текста в цитатах.

из них содержат только молитву «Емше Иисуса». Этим подтверждается ранее высказанный тезис А. А. Дмитриевского: «Русская Церковь прежнего времени придавала значение епитрахили не то, какое придается ей ныне. Епитрахиль служила символом уз Христа Спасителя, а не благодати Святого Духа, изливаемой на рукополагаемого в таинстве священства» [1].

Всё это подтверждает влияние на первые белорусские издания московской традиции и наличие в руках сотрудников братьев Мамоничей русских рукописных книг. Для сравнения отметим, что в первопечатном московском Служебнике 1602 г., изданном повелением царя Бориса Годунова и по благословию «первопрестолника святейшаго Иева, патриарха Московскаго и всея Руси», находим только молитву «Емше Иисуса», причём, без дополнения «Ты же, Спасе Наш, Сам страсти претерпе...», как в первых белорусских Служебниках. Здесь мы читаем: «Иерей, взем патрахиль, целуя, возлагает на ся, глаголя: Емше Иисуса, связавше, предаша Его Понтийскому Пилату игемону» (гл. 6). Эта же молитва читается во всех последующих печатных московских Служебниках (1616, 1623, 1627, 1630, 1633, 1637, 1635, 1640, 1646, 1650, 1651 и 1652 гг.) вплоть до издания 1655 г., отразившего первые реформы патриарха Никона.

В Служебнике Виленского братства 1617 г. обнаруживаем молитву на правый поручь, также отличающуюся от современной. «Десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя, десница Твоя, Господи, прославися в крепости, десная Ти рука, Господи, сокруши враги, и множеством славы Твояе сътерл еси супостаты» (л. 11а—11б). Она же читается и в более раннем Служебнике 1598 г. (л. 11а—11б).

Все эти характерные особенности, связанные с древними традициями рукописных книг, довольно быстро исчезают, и Служебник 1624 г., выпущенный в Вильно Братской типографией, предлагает чин, практически идентичный современному. Разумеется, это не значит, что в позднейших Служебниках не могут неожиданно появиться интересные вариации, источник которых ещё предстоит установить. Так, в предпоследнем издании белорусского Служебника (Супрасль, 1758 г.) находим такую молитву на стихарь: «*И абие начиная облачати глаголя на стихарь*: «Плещи моя вдах на раны, и ланите мои на заушение, лица же моего не отвратих от студа заплевания» (л. 4).

Проскомидия. Теперь перейдём к следующей подготовительной части Литургии — к проскомидии. Отметим некоторые характерные особенности. Чин проскомидии в Служебниках 1583, 1598, 1617 гг. начинается молитвой: «Владыко, Господи Боже мой...»

В Служебнике 1598 г. находим интересный молитвенный диалог священника с диаконом: «Един отвоин копию ребра Ему прободу, и абие изыде кровь и вода, и видевый свидетельствовуа, и истинно есть сведетельство его. Яко Трие суть сведетельствующе: Дух, кровь, и вода, и трие во едино суть во веки, аминь. *Диакон*: Благослови, владыко, обою. *И вливает в потир вино и воду глаголя*: Соедини, владыко. *Иерей прекрестит рукою на потир, глаголя*: Соединение Святаго Духа, всегда ныне и присно и в веки веком» (л. 8).

Во всех остальных Служебниках особых отличий нет. Исключение составляют два униатских Служебника 1732 и 1758 гг. Здесь отдельно вливается вино и вода. «*Также вливает в Чашу вино, елико на потребу, глаголя*: И абие изыде Кровь. *Комуждо благослови, влив велми мало, глаголя*: и вода, и видевый свидетельствовуа, и истинно есть сведетельство Его» (л. 14б). В Служебнике 1758 г. — такое же последование.

Литургия оглашенных

Малый вход. Обратим внимание на Малый вход. В трёх белорусских Служебниках встречаем указание на благословение Святых Даров на жертвеннике. Впервые это предписывает Служебник 1583 г. (л. 42—42б), затем издание 1624 г. (л. 20а) и, последний раз, — 1641 г. (л. 18б). Согласно Служебнику 1624 г., во время входа (точнее, выхода из алтаря на солею) диакон, проходя мимо жертвенника, показывает на Дары и обращается к священнику: «Благослови, владыко, предложение сие. *Иерей же благословляет рукой*: Благословенно предложение Божественных Тайн, ныне и присно и во веки веков» (л. 20а). Потом совершается выход на солею с Евангелием. Так совершается Малый вход по этим трём изданиям. Источник этой традиции пока не выявлен.

Восхождение на горнее место. В церемонии восхождения священства на горнее место особых отличий от современной практики не встречается. Первпечатный Служебник 1583 г. предлагает уже знакомый нам чин. Однако в Служебнике 1641 г. диалог диакона со священником имеет текстуальные отличия. «*Диакон*: Повели, владыко! *Иерей*: Повелением Твоим небеса утвердишася и Духом уст Его вся сила их. *Благослови, владыко, изыти к святому месту. Иерей*: Благословен грядый во Имя Господне. *Диакон говорит*: Благословен еси на престоле царствия Твоего, седяй на Херувимех, всегда ныне и присно и во веки веков. Аминь» (л. 21).

Литургия верных

Великий вход. Несколько замечаний о Херувимской песне. Её древний славянский перевод (как в белорусских, так и в русских Служебниках XVI—XVII вв.) отличается от современного. В первом белорусском Служебнике (1583 г.) Херувимская названа «творением Иоанна Златоуста». Приведём её текст. «Иже херувими тайно образующе, и животворящей Троицы Трисвятую песнь приносяще, всяко ныне жития сего отверзем печаль. Яко Царя всех подъемлюще, ангельскими невидимо дароносима чинми. Аллилуиа» (л. 61а—61б). В Служебнике 1598 г. лишь одно отличие: «...всякую ныне житейскую отверзем печаль» (л. 55). Слово «печаль» читается и в позднейших Служебниках, например: «...Отложим всякую житейскую печаль...» (Служебник 1624 г., л. 32).

Сам Великий вход совершается так же, как и в настоящее время. Правда, в изданиях 1583, 1598 и 1638 гг. встречаем одну особенность. Когда священник входит в алтарь со Святыми Дарами, он читает отрывок из псалма: «Возмите врата князи ваши <...> и внидет Царь Славы».

Обратим особое внимание на поминовение церковных и гражданских властей. В условиях унии это служит критерием либо лояльности, либо оппозиционности. Нейтральное поминовение «архиепископа нашего имярек» встречается во всех Служебниках, и это вполне понятно, поскольку конфессиональная принадлежность архиерея

не обозначена. Но поминовение «О всяком епископстве православном» встречается только в трёх Служебниках: в двух изданиях православного Виленского Братства 1624 и 1641 г. и почему-то в униатском Литургиконе (Супрасль, 1727—1732 гг.). Это можно объяснить только тем, что униаты себя считали «истинно православными».

Поминовение «Святейшего Вселенского Патриарха нашего *имярек*» встречается только в трёх Служебниках Виленского Братства (1624, 1628, 1641 гг.). Несомненно, здесь имеется в виду Константинопольский Патриарх.

Важно выяснить, с какого же времени в Служебниках появляется поминовение «О святейшем Вселенском архiereе папе Римском». Оказывается, этого поминовения нет даже в откровенно униатском Служебнике Льва Сапеги (1617 г.) Впервые оно появляется в восьмом по счёту белорусском Служебнике (Вильно—Супрасль, 1692—1695 гг.), т. е. через сто лет после заключения унии. Это ещё одно свидетельство, что уния в принципе была чуждым явлением для белорусов.

Теперь о гражданских властях. Разумеется, формулировка о всех князьях «Русскою Землею пекущихся» в Служебнике 1583 г. — исключение! Но это ещё раз показывает, что Служебник создавался не только для внутреннего использования, но и в расчёте на экспорт в Россию и другие исторически православные земли (на Балканы). Во втором Служебнике 1598 г. есть моление «О царе великом *имярек*». Это тоже единственное поминовение в своем роде.

Как видим, в первых двух белорусских Служебниках нет поминовения владык Речи Посполитой, что объясняется особым характером этих «промосковских» Служебников. Но уже в третьем Служебнике (Льва Сапеги 1617 г.) встречается молитва «О великом короле нашем *имярек*», которая сохраняется во всех последующих Служебниках.

Евхаристический канон

Перейдём к важнейшему литургийному разделу — к Евхаристическому канону. Как известно, католическое литургическое богословие придаёт установительным словам Господа «Примите, ядите...» совершительный смысл. Ясно, что униаты должны были принять этот догмат. В римской литургии всё понятно. Но для униатов, сохранивших византийскую традицию, возникла непреодолимая трудность. Действительно, если Святые Дары уже пресуществлены установительными словами, то зачем после этого читать над ними молитву эпиклезиса, которая в православной литургии является совершительной формулой? Униаты не решились изменить текст литургии, но долго не решались и обозначить в своих Служебниках установительные слова в качестве совершительных. Так, в откровенно прокатолическом Служебнике Льва Сапеги (1617 г.) сказано, что священник, произнося слова «Примите, ядите...», «воздвизает десницу свою со страхом и благословляет святой хлеб». А чашу благословляет, «преклонь главу со умилением» (с. 79, 210—211). Как видим, прямого указания на момент пресуществления нет.

Лишь в гораздо более позднем униатском Литургиконе-Служебнике (Вильно—Супрасль, 1692—1695 гг.) впервые встречаем компромисс между католической по богословию формулировкой и текстом византийской литургии. Приведём это место полностью. Священник «*знаменует десницею верху дискаса, глаголя: И благословив, освятив, преложив, даяше святым Своим учеником и апостолом рек. И абие поклонся, зря на хлеб, с вниманием словеса, освящающая Тело Христово, провещает возгласно и разделно: Примите ядите...! Иерей же низко поклонеста святому Телу Христову. Восклонжеса, открыв чашу, и прием ю обеема руками, благословляет десницею, глаголя. Также и чашу по вечери глаголя. Наклонисея и зря в святую чашу, провещает словеса, освящающая Кровь Христову, възгласяя: Пийте от нея вси...! Иерей наки низко поклонся Крови Христовой, глаголет молитву: Тебе поем, Тебе... Поставив Святыя Тайны на своем месте якоже прежде и покрыв Чашу, поклоняся низко. И възглася глаголет молитву втаи: «Еще приносим Ти...» (л. 84). Далее идёт все по обычному порядку, только после слов «Преложив Духом Твоим Святым» нет троекратного «Аминь».*

Тропарь Третьего Часа в литургии св. Иоанна Златоуста присутствует во всех Служебниках, кроме одного (1617 г., Виленского братства). В этом тоже можно видеть московское и украинское влияние, потому что в сербских Служебниках эта интерполяция отсутствует.

Что же касается белорусской литургии св. Василия Великого, то в ней этого Тропаря нет до Служебника 1624 г. А так называемые совершительные слова («преложив Духом Твоим Святым») отсутствуют в Литургии св. Василия во всех белорусских Служебниках до униатского Литургикона 1695 г. Их появление — признак влияния схоластики.

Некоторые другие особенности литургийного чина

При вливании в Кровь Христову теплоты перед причащением священнослужителей до 1624 г. читалась молитва, отличная от современной. Например, в Служебнике 1598 г.: «Теплота есть Святаго Духа Бая Божественнаго поражения, словом исчерпав сложному естеству. Точно источаеши ми струям и нетленных и прободенных Ти ребр, о Божие Слово, напечатлейся же плотию Духа» (л. 78).

Молитва «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси Христос, Сын Бога Живаго...», читаемая перед причащением, во всех Служебниках белорусской печати заканчивается словами «...От них же первый есмь аз...». Далее читаются молитвы «Вечери Твоя тайныя днесь...» и «Да не в суд или во осуждение...». А слов, которые читаются сейчас: «... еще верую, яко сие есть самое Пречистое Тело...», мы не находим.

В Служебнике 1638 г. читаем, что священник, выходя с чашей для причастия, произносит слова: «Со страхом Божиим и любовию приступите» (с. 58).

Во всех Служебниках также указано священнику в конце службы самому раздавать антидор. «*Иерей же изшед, дае антидор. Посем: Благословение Господне на вас...*» (Служебник 1617 г., типография Леона Мамонича. С. 126).

В униатских Служебниках XVIII в. печатается интересное многолетие, которое полагалось петь в конце Священной литургии. Приведём его текст: «*И многолетствует короля и Архиеерея сице: Их святыми молитвами утверди Боже веру христианскую. Многа лета святейшему Великому Королю (имярек). Спаси Господи пресвященнейшего Архиепископа нашего (имярек). Весь чин священнический и иноческий, всех отец и братию нашу, и вся Православныя Христианы, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи спаси! Пресвятая Богородице, помогай всем Православным Христианам и спаси нас!*» (Литургикон. Супрасль, 1727—1732, с. 97).

Обращение к текстам белорусской литургии показывает её постепенную эволюцию. Разумеется, речь идёт, прежде всего, о подготовительной части литургии и об окончании литургии после Евхаристического канона, хотя молитва анафоры тоже подверглась изменениям за счёт интерполяций и некоторых дополнений, по сравнению с каноническим текстом Византийского евхология VIII—XII вв.

В литургиях двух первых Служебников (1583 и 1598 гг.) сильно русское влияние. Это подтверждается составом входных молитв, молитвами на облачение священнослужителя (самый яркий пример — молитва епитрахили). Количество просфор — в первом белорусском Служебнике их семь — тоже указывает на московскую традицию (в сербских Служебниках их пять). Правда, уже второй белорусский Служебник насчитывает пять просфор, и это количество становится доминирующим.

К середине XVII в. формируется стандартный литургийный формуляр, в основном общий для белорусской, украинской и русской традиции. Белорусская же литургия периода унии вынужденно включает в себя элементы католической догматики: обозначение установительных слов в анафоре в качестве совершительных, включение в Символ веры *Filioque*. Но это происходит лишь через столетие после заключения унии 1596 г.

Заключение. Проведя исследование, автор смог убедиться, что белорусское литургическое богословие (даже униатское!) видимым образом противилось католическому учению о «материи» и «форме» таинств, об «интенции» и других постулатах, — поэтому статья «Наука иереом», помещённая в Служебник ревнителя католицизма Льва Сапеги ещё в 1617 г., так и осталась белой вороной в истории белорусского литургического книгопечатания. Все последующие издания Служебника до конца XVIII в., в том числе безусловно униатские (!), её не повторяли. В то же время украинское литургическое богословие, даже в лице «ревнителей» православия, с готовностью усваивало подобные схоластические методы западного богословствования.

Думается, именно здесь мы сталкиваемся с одной из важнейших причин столь различной судьбы униатства в Украине и в Беларуси.

Список цитируемых источников

1. Рубан Ю. Епитрахиль: «брада Аарона» или «узы игемона»? // Таинства Церкви : материалы подготов. семинаров Междунар. богосл. конф. РПЦ «Православное учение о церковных Таинствах» М. : Синод. Богосл. комиссия РПЦ, 2007. С. 260—270.

УДК 7.078(76)

С. А. Стубеда

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ «МЕЦЕНАТСТВО», «СПОНСОРСТВО», «БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ» В БЕЛОРУССКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ

Введение. Меценатство, спонсорство, благотворительность — явления, которые имеют общее начало, фундированное осуществлением различного рода пожертвований. В связи с этим наблюдается синонимичное использование данных понятий и замена одних другими, что, на наш взгляд, является недопустимым в силу существенных отличительных особенностей данных феноменов. И поскольку наше внимание в большей степени сориентировано на феномен меценатства, то данное явление выступит «точкой опоры» для выявления различий между вышеуказанными понятиями.

Основная часть. Известно, что основой для появления термина «меценатство» стал процесс перехода имени собственного в имя нарицательное. Благодаря деятельности Гая Цильния Мецената (между 74—64 — 8 гг. до н. э.) со времён Древнего Рима стали называть меценатами всех, кто всячески помогает талантливым и одарённым людям. Покровительство поэтам сделало имя политического и общественного деятеля символом финансовой, экономической, политической поддержки творческой и просветительской деятельности литераторов, музыкантов, архитекторов, скульпторов, художников, учёных, словом, всех тех, кто обладал талантом, одарённостью, горячим желанием творить, но не имел большого количества средств для реализации своих планов. Опираясь на историю возникновения феномена, под меценатством мы понимаем всяческую поддержку инициатив в сфере культуры и искусства со стороны богатых людей.

В современных социокультурных условиях актуальна проблема синонимичного использования понятий «меценатство» и «спонсорство». По нашему мнению, данные явления совершенно не равнозначные, что обусловлено причинами оказания меценатской и спонсорской помощи. Под спонсорством понимаются инвестиции в какую-либо коммерчески выгодную и потенциально успешную деятельность. В культурных проектах спонсорство предполагает предоставление средств автору для реализации его творческого замысла без обязательного возврата этих средств в денежном эквиваленте. И обязательным условием оказания данного вида поддержки является упоминание при каждом удобном случае имени спонсора в сугубо рекламных целях. Принимая во внимание роль рекламы в современных условиях, можно констатировать, что спонсорство нередко осуществляется в отношении проектов,